

Сицилийская Кереста

Литература

Кому-то снится Инна Андреевна в новогоднем колпаке, кто-то пытается закончить все работы по Лилеевой, а я смотрю каждую ночь новогодние мелодрамы. У всех свои тараканы, но мне кажется, что сессия все-таки объединяет людей.

Посиделки в Чибе после каждого экзамена, вечно скачущие из кармана в карман шпаргалки, жадные глаза, ждущие тебя возле двери, дабы задать единственный вопрос: "Сдал?".

На носу вся эта нервотрепка в деканате, все эти допуски да направления, напряжение в глазах

Светланы Викторовны и её попытки отругать тебя за любой просчет. Гильгамеши, Данте

№5. 14.12.2015 г.

там всякие повсюду чудятся. Сложно бывает любить новый год так же, как в детстве, но старайтесь видеть плюсы, даже если зачетка переполнена тройками. Кто-то останется в общежитии, и точно не будет скучать, ведь как всегда сломается какая-нибудь столешница, какое-нибудь окно, кто-то разольет шампанское на пол и уснет в окружении пустых бутылок; да елочки за сорок девять рублей из FIX-Price; кто-то решит не тратить деньги на елочку и будет довольствоваться портвейном «Три семерки», кто-то проведет новый год в кругу семьи, наслаждаясь наличием салатов и долей уюта, что возможен лишь там, где ты вырос. Но каждый из нас будет писать, надеюсь, ведь это то, что собрало нас в этом удивительном месте с бесплатной столовой и творческими семинарами. Даже если мы ходим на них только по вторникам, пишем мы постоянно. И будем писать.

Я надеюсь, этот выпуск сможет помочь кому-то отвлечься от насущных дел и немного отдохнуть, ведь несмотря на всю эту суету, есть вещи гораздо более важные, чем успеваемость и выполнение рабочего плана.

Удачи, ребята! Не тоскуйте и не заливайте горе вином!

Лучше смотрите почаще новогодние мелодрамы и гуляйте по паркам, пока висят еще и горят разноцветные гирлянды.

Новогоднее пожелание от ПАВЛА ЦВАРГЕНШТАЙНА



Дети Юрфея

БЕЛЫЕ СТРАНИЦЫ.

Более ста лет минуло со времен Последней русской революции. Так случилось, что особо значимые деятели этого переворота, придя к власти, все как один оказались уничтожены силами тайной организации, о которой никто ничего никогда и не слышал. И впоследствии всевозможные попытки либеральных, консервативных, националистических и прочих партий и группировок ухватить поводья вздыбленной России заканчивались полнейшим *fiasco*, ибо идеи, вдохновлявшие на эти попытки, вырезались под корень вместе с их носителями. В народе шепотом поговаривали, что в дело вмешались высшие силы, однако никто не брал на себя ответственность за подобные воззрения, осознавая всю абсурдность сопоставления мистики и политики.

Тем временем жизнь в России продолжалась: деревня давала городу молоко, лес и частушки, а город поставлял в деревню цивилизацию; научно-технический прогресс шел своим чередом, детские сады, школы и больницы работали с прежней непрерывностью, функционировали органы местного управления. Однако невозможно было понять, кто за всем этим стоит, равно как до сих пор открытым остается вопрос о гибели сотен тысяч русских революционеров. Последние, чудом оставшиеся в живых, поклонники революционных амбиций махнули рукой, сославшись на горький опыт своих товарищей и причувшись быть в неведении. «Черт знает что, – вздыхали они, – тайная организация или божье провидение, но оно ясно дало понять: «кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет»». Так вскоре перевелись на Руси смельчаки вершить перевороты, а загадочная революция вошла в историю под незамысловатым, но многообещающим именем «Последняя».

Не успели утихнуть на кухнях нашей Родины взволнованные возгласы женщин, театрально испуганных кровавыми расправами самоубийц, как новая весть обрушилась в сознание граждан. Грянул Бронзовый век! И всю культурную жизнь страны перевернул с ног на голову. Откуда ни возьмись стали появляться и заявлять о себе безумные умы: художники со стажем, но без имени, музыканты с красивой внешностью, но без слуха, апатичные поэтессы и самоотверженно гордые поэты, писатели без вкуса, но с развитым логическим мышлением, скульпторы с опережающими время идеями, драматурги с пьесами без диалогов и великое множество других деятелей искусств. Особый ажиотаж разразился в литературе, главным образом, в поэзии. Возникли новые направления, стили, создавались манифесты, в которых те, кто выступал за продолжение традиций, во весь голос декламировали:

Поэты, перья бронзового века!

Вы живы, а искусства нет.

Как белый лист, эпоха вся под снегом,

Оставьте ж хоть какой-то след! –

и с упованием на лица прибавляли:

И, может быть, потомки восхитятся

Душой завещанного им письма,

Воздвигнут памятник единству наций

С пометкой желтой: «Бронзовым певцам!»

Те же, кто вел борьбу за разрушение устоев в пользу новых форм выражения, действительно творили по-новому, но совершенно необычно. К примеру, «Поэты противодействия» писали стихи справа налево, а поэтическое общество «Бумеранг», оппонирующее им, сочиняло по старому принципу, лишь слова в строках переворачивая задом наперед. Дальше всех пошли члены литературной группировки «Наоборот»: эти произносили стихи с конца, справа налево и задом наперед и предлагали упразднить классическую рифму, оставив один лишь верлибр.

Однако не все стихотворцы той поры стремились выдвинуть требования к созданию слова. Особняком держалось философско-поэтическое явление, представители которого ничего не утверждали и не отрицали и, казалось бы, ни во что не верили. Намеренно ли или не обладая должным интересом, но они совершенно не заботились о форме и содержании произведения, не гонялись за его целостностью, а скорее походили на детей, играющих в смыслы, как в домино. То и дело в облюбованных ими клубах и кабаках можно было услышать что-то вроде:

совпадение

есть совместное падение

равнодушие

равенство душ

совпадение равнодушия

есть совместное падение равных душ

Примечательно, что философы-поэты не причисляли себя к какому-либо творческому направлению. Их место в нашей литературе оставалось в стороне, независимо от общего потока незаурядных идей. Быть может, поэтому культурное дерево массы, одержимой рождением новых ответвлений, поспешило принять их за белое пятно в своей истории, придать им рамки направления и окрестить «смысломешателями». Реакции со стороны философов не последовало.

В те годы литературных кружков и течений в России было так много, а хаос литературного процесса стал настолько очевиден, что по прошествии десятилетий, приступая к изучению данного явления, доктора филологических наук почувствовали себя в тупике. «Бронзовый век, – тряс бородой один из профессоров, – ударил по тысячелетнему русскому слову, как варвары по Римской империи. Его последствия необратимы. Тонны текста предали забвению и похоронили под собой даже пресловутый постмодернизм. Как назвать этот не называемый культурный пласт? Что делать нам с его наследием? Сумеем ли мы понять тех, кто сказал, ничего говорить не желая?» Но как ни старались ученые охватить Бронзовый век аналитически, сделать этого в полную меру

они не смогли. Ведь настоящие ценности и достояния царившего хаоса были рождены в тени подполья и негласности и, за редким исключением, там и остались. Русские метафизики, что несколько веков подряд погружались в самую глубь души человеческой, узрели, наконец, дно. Уловив момент и осознав его на бумаге, они уже не задавались вопросом о смысле всеобщего существования, который отпал сам собой, а двинулись по бесконечному пути дальше, до едва достижимых пределов вселенной, и даже за них, туда, откуда нет возврата, чему нет названия, ибо и сами слова оставлены были позади...

Тем временем в мире назревали катастрофы. Государство S., приближавшееся к зениту внешнеполитического влияния, устраивало военно-морские учения у северо-западного побережья Африки. Учения шли по плану до тех пор, пока один из истребителей с авианосца не пересек границу в небе над A., упорно развивающейся военизированной арабской страной, после чего, невняв предупреждениям со стороны последней, был уничтожен. Незамедлительно S. высадил десант на африканскую землю.

В мировом политическом сообществе разгорелся скандал. Масштабы военных действий, развернувшихся в A., никак нельзя было соотнести с фактом уничтожения одного истребителя. На все вопросы ООН правительство S. отвечало неделикатно-двузначно. По их словам выходило, что погибший летчик пребывал в глубоком наркотическом опьянении, о чем свидетельствовал найденный в его личном шкафчике початый пакетик с кокаином, а никаких предупреждений об уничтожении истребителя со стороны A. не поступало. Помимо этого S. предъявила A. классическое обвинение в разработке секретного оружия и финансировании терроризма. Ввиду таких заявлений миру стало ясно: новорожденная война ведется за все, что угодно, кроме справедливости, и грозит перерасти в еще более масштабное действие.

Опасения оправдались. A. вскоре начала сдавать фронтовые позиции и призвала на помощь соседние государства, с которыми с давних пор состояла в дружественных отношениях. В несколько часов образовался тройственный конгломерат: A., L. и E. Их слияние было тем крепче, чем искренней живущие в них мусульмане уверовали: нынешняя война есть не что иное, как священная война – Джихад. Название конгломерат получил соответствующее – Священный Союз. Идея потрясла весь арабский мир, S. получила статус первого врага ислама, еще две мусульманские страны – на этот раз с другого континента, P. и O., – вступили в коалицию. Совместными силами наступление S. на A. было остановлено, армия врага отброшена к морю и уничтожена с непоколебимой жестокостью. Но радость мусульман продлилась не долго. Пока S. готовила новое наступление, на ее стороне на арену войны вышли государства Европы, Азии и Африки, зарекомендовавшие себя как «Ассоциация мира». Y. ударила по войскам Джихада с тыла, A. и P. – с моря, приближалась военная помощь C. с Дальнего востока. Как выяснилось позже, каждая из вступивших в конфликт стран имела здесь собственные интересы, состояла в тайном сговоре с S. и четко осознавала отведенные ей роль и план действий. Таким образом, пока Россия переживала

заключительный этап своей революции, человечество было ввергнуто в состояние Третьей мировой войны, уже на первых стадиях которой участвовало десять государств:

A., P., O., C., A., L., Y., P., S., E.

Три года длилось противостояние Ассоциации мира и Священного Союза. До основания разрушенные города, миллионы убитых, колоссальные сражения и герои-мученики – как и в древности, все это имело место в третьем тысячелетии. Но теперь изменилась сама суть войны, словно человек убивал человека не с целью защититься или захватить, а именно безо всякой цели, движимый лишь инстинктом всеобщего разрушения, убийства себя и окружающего, вплоть до размеров мира. Конечно, существовали видимые причины, призванные оправдать человека перед самим собой, оградить от себя же, но все-таки наличие маски подразумевает присутствие лица, а лица у той эпохи не было, ибо хаос безличен. Что бы ни побуждало людей объединяться в смертоносные стаи, каждый, кто шел войной на себе подобного, шел на себя, больше не замечая собственного безумия, скрытого под маской чужих идей. За три года под флагом Священного Союза объединились все мусульманские народы. Ассоциация мира заключила в себе половину стран Нового света, две трети стран Европы, несколько государств Азии и Африки и даже Австралию. Некоторым удалось сохранить нейтралитет, но и тем, по мере ослабления исламской коалиции, становилось очевидно: уничтожив или подчинив врага, Ассоциация не остановится и неминуемо направит взор на стоящих в стороне.

Чтобы обсудить проблему нависшего над ними дамоклова меча, главы правительств, «стоящих в стороне», собрались на тайном совете в I. Известно, что в совещании принимали участие представители России, члены тайной организации, о которой сказано выше и которая, шутя одолев «победителей революции» и не пожелав открыть народу свое лицо, взяла в руки бразды правления. Решено было организовать Третью коалицию. Ее задача – объединившись со Священным Союзом, раз и навсегда преградить Ассоциации путь к мировому господству. Особые причины имеет заинтересованность здесь русской стороны, ведь уже в который раз наша разведка докладывала о мобилизации вооружения на ракетных базах S., десятилетиями подозрительной дугой строившихся вокруг России.

Война охватила всю планету. Бывали дни, когда в мире насчитывалось до двадцати фронтов. Все боялись ядерной атаки, и на каждом секретном объекте терпеливо дежурил особый войка, судорожно вознеся длань над кнопкой «пуск» и каждую секунду ожидая приказа главнокомандующего. Финал такой игры подкрался внезапно. Азиатская страна K., доселе тихо отстранявшаяся от участия в войне, неожиданно нанесла серию оглушительных ядерных ударов по S., рассчитав, чтобы у последней не осталось даже возможности для ответных действий. В этом жестоком предприятии, вероятно, звучала нотка мщения за давнее кровавое вторжение S. на земли K. Голова Ассоциации Мира была, таким образом, снесена. Не теряя времени, Третья коалиция и Священный Союз собрали все силы и на нескольких фронтах синхронно атаковали врага, еще не оправившегося от изумления после потери мощнейшего своего союзника. Решающее сражение произошло у

подножья горы Мекитто на севере государства Y., где последние значительные войска «Ассоциации» были разгромлены. Вскоре страны-агрессоры капитулировали.

Очевидно, что никогда в истории не происходило войн, геноцидов, природных катаклизмов, экологических катастроф или эпидемий, столь ужасных по своим последствиям, как Третья мировая война. Планете был нанесен непоправимый урон. Число людских жертв в десятки раз превысило количество погибших в первой и второй мировых войнах. С печалью выразился об этом известный писатель Бронзового века: «Вселенная погрузилась в молчание, а человечество, смертельно уставшее от пережитого, склонило большую голову над разбитым корытом и рухнуло в сон траура...»

Лишь новость о приближающемся конце света вывела мир из оцепенения. Русский астроном, рассчитывая траекторию полета известного в науке астероида, заключил, что его столкновение с Землей неизбежно. «Полгода, и все... Каюк!» - по телефону сообщил он своей жене сразу после открытия.

6 месяцев до столкновения.

Известие потрясло все умы. Правительства пытаются «принять меру». Энтузиасты приступают к строительству ковчегов и бункеров. Астрономия снова в моде.

5 месяцев до столкновения.

Люди с нетерпением ждут Апокалипсиса. Правительства разрабатывают план по уничтожению астероида в космическом пространстве. Фильмы о конце света вновь популярны.

4 месяца до столкновения.

Человечество привыкает к мысли о светопреставлении. Одни надеются на спасение, другие проповедуют вечную жизнь после смерти. Продажа недвижимости приобретает глобальный характер, но не находит успеха. Религия снова в моде.

3 месяца до столкновения.

Мир постепенно начинает уставать от упования на призрачные надежды. Некоторые жители городов, покидая свои дома, уходят в леса. Все чаще фиксируются случаи мародерства.

2 месяца до столкновения.

Сумасшедшие дома переполнены, оптимизм некоторых субъектов принимает плачевные формы. Мировая экономика перестает существовать. В ряде стран начинаются революции.

1 месяц до столкновения.

Энтузиасты в ускоренном режиме достраивают ковчег и бункеры. По всему миру проходит волна самоубийств. Правительственный план по спасению человечества обнаруживает в себе элементы фантастичности, сроки, отведенные на его выполнение, невозможно малы. Мировую общественность охватывает паника, мародерство приобретает ужасающие размеры. Тайная организация, правящая Россией, решает открыть народу свое лицо, ободрить перед приближающимся ликом смерти. Тень тяжелой реальности опускается на человечество, уравнивая всех и каждого грозя обратить в ничто.

0

Астероид упал в воды I. океана, произведя серию цунами таких размеров, что прибрежные ландшафты материков изменились до неузнаваемости на тысячи километров. Приморские города и поселки были в буквальном смысле смыты, несколько миллиардов человек сгинуло в пучине. Но конца света, которого шесть долгих месяцев ждал весь мир, так и не последовало. Конечно, численность людей за годы войн и катаклизмов сократилась более чем вдвое. Конечно, Земля иссечена разрушениями, природа заражена убийственным ядом, лесные просторы обратились в дно мирового океана, но смерти, той вселенской смерти, уничтожения мысли, низвержения бытия, остановки дыхания каждого умеющего дышать... не последовало...

Время сдернуло маски, хаос, вырвавшийся наружу, изжил себя. Оставалось что-то еще. Не мог же, в самом деле, мир быть сотканным из одних только фальшивых личин и всеразрушающего безумия? Стоя на краю великой бездны, каждый из людей осознал себя окруженным собственной пропастью, но и в этой пропасти пытался он уловить дыхание силы, не позволяющей огню жизни угаснуть, и в этой тьме надеялся узреть забытое мерцание вселенной, скрытое в каждом атоме каждой крупинки каждого камня, и в этой тишине стремился различить, как плещутся волны вечности в океане настоящего и как нещадно бьются они о мировые камни, озаренные и увенчанные огнем.

Виток спирали – два тысячелетия. Свиток развернут. Впереди лишь белые страницы...

10 апреля 2013 г.
РУСЛАН ВЕТРОВ

ГОЛОСИСТЫЕ ЛЮДИ

ИЗ ЗАМЕТОК ПАЦИЕНТА

ГКУЗ ПБ № 5

Не есть, не пить, не говорить, не слушать.
Не спать.
Решить, в каком углу сегодня лучше Стоять.
Смотреть на мёртвых птиц летящих.
Стараться не дышать,
При виде этих, приходящих
В мою кровать.
Водить ногтём по мягким стенам,
Не слыша звук.
Опять бояться, если вены
Лишились рук.
Едой кидать в белохалатных
Говорунов.
Потом, в беседах неприятных
Не помнить слов.
Вот здесь занятий разных сколько,
Всего полно.
За всем следят. И ночью только
В своё окно
Я выпускаю это тело,
Чужое мне.
Вдруг у него какое дело
Там, в вышине.
Все спят. Все спят. Не добудиться.
О, Боже мой,
Что толку мне опять проситься
Домой.

Надо же, в городе птицы не извелись.
Вот же, щебечут, сидя на проводах.
Может послушать – пойму, что такое
высь?
Может она особая в городах?

Странные... Будь я птицей, я бы тут не
жила.
Я поселилась бы в тёмной зелени крон
И по утрам, расправляя сильные два
крыла,
Я с упоением пела бы небосклон.

Где мои крылья? Когда их обрезали?
Кто
Рассудил так? И был ли, вообще-то,
суд?
Ты, в небесах живущий, смотрю,
жесток
К тем обескрыленным, что по земле
ползут.

АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА

Кто-то ночью всё лил да лил
Черный вермут в нутро двора.
Я пришла, и сидели мы до утра,
Ты, что было сил, говорил.
Говорил, что на свете – тоска и зло,
А с тобою мне повезло,
Что отец подарил тебе пистолет
Прошлый год на шестнадцать лет.
И гремели небесной жести листы,
Били ветви сырые в окно и дверь,
Я молчала и думала – я – это ты.
Если я – еще – ты, где же я теперь?

Где же ты теперь, под каким кустом
Со своим пистолетом спишь?
Под мостом, крестом, на мысу ль
пустом
Над тобою поет камыш?
Я вчера пришла в этот старый двор
Через памяти сон, города, года.
Тихо было. Тепло. Чуть скрипел забор,
И светя, как фонариком светит вор,
В черном небе плыла звезда.

Я не выучил птичьего словаря,
И не ведом мне алфавит травы:
Тело теплое лета остыло зря,
Не сносил пион головы.

Тяжкий, нежный, духмяный его
дурман
Расплавляется, словно гашишный
дым...
Лето, правда это или обман:
Хорошо умирать молодым?

Но от спящих основ не добьешься
слов:
Молча ветер траву колеблет,
И прозрачная кротко сочится кровь
Острым срезом тугого стебля.

Жимолости сумеречный запах,
Влажную стрекочущую тьму,
Горькую смолу в еловых лапах
Отдадут кому-то одному.
В лес ночной иди, не бойся нави,
Не бери ни четок, ни ружья,
Ты в таком же сумеречном праве,
Как багульник, чарусь, и змея
Обернуться проблеском сторожким,
Золотым, как лунная вода,
И узнать легко и навсегда
Путь домой по следу дикой кошки.

ЛОТТА ГЕСС

ИЗ ПИСЕМ МОЕГО ЗНАКОМОГО (1)

С этим придется жить.
И, может быть, умирать.
Правда загробная выше привычных
мер.
Что ты на это скажешь, мой дорогой
камрад?
Что, если мир закончится не на мне?

Лето на грани.
И в этом я виноват.
Дача пустеет. До следующей весны.
Но что ты на это скажешь, мой дорогой
камрад,
Если самый виновный не чувствует в
том вины?

Так и оставим.
Яблоки - догнивать.
Голову - задирать.
Смотреть, как закат остыл.
Куда ты уходишь, мой дорогой
камрад?
Мне показалось, ты не договорил.

Ты не уходишь.
Ты просто выходишь в сад.
Мне слышится скрип ступеней
и стон перил.

ИЗ ПИСЕМ МОЕГО ЗНАКОМОГО (1,5)

Жди и терпи, говоришь мне.
Жди и терпи.
Но даже терпению Бога приходит срок.
Милый камрад, я у себя на цепи.
Милый камрад, я сказочно одинок.

Я распадаюсь.
Жру себя изнутри.
И некуда убежать.
И нечего позабыть.
Одиночество – враг мой.
И он у меня внутри.
И самое страшное –
Я начинаю его любить.

РЕКИЧ.

верни мне мир
а если нет
так дай хоть меч
чтоб было чем

мне отвечать
на каждое
"зачем".

все существует в промежутке
между вдохом и выдохом
между стуком и выстуком
между ступом и выступом
между веры поверием
и ветра поветрием

и слов сословием
и трав сотравием
и цветов соцветием

ПТИЦЫ ПАДАЮТ

я видел смерть
она была похожа
на звон
серебристого неба

из которого
падают птицы
как хлопья
первого снега

РАЗЛИВ 2007

Шаг в шаг
свет вслед.
свят каждый дурак,
кто слеп.
Видящий мрачен
и грусть
посадил себе на колени.
Это последнее отделение
спектакля,
это время, когда
принимашь решение -
жить или танцевать,
отслеживая свою участь,
как солнечный луч
по комнате
отслеживает свою тень.
Каждое воскресенье
колокола вечерние
славят сгоревшего заживо.
Воздух звенит,
сирены, как пчелы.
Свет делает
из мёда - золото,
из ночи - утро.
Минуты
становятся все длиннее.
Сосредоточившись
перед прыжком в море,
открываешь глаза
изо льда строишь город,
который летом растает
и зарастет цветами.

ЛИЗА ЖУРАВЛЕВА

ВАРЕНЬЕ ИЗ ЛЯГУШАТ

У меня есть большая блестящая банка;
Я иду с ней на речку ловить лягушат.
Накануне решил: если встать
спозаранку,
мне никто возьмется мешать.

У меня есть рогатина хлестко-зеленая,
ей легко на песке оглушать.
Не тревожься и спи, мошкара
обозленная -
натаскаю ушат лягушат!

Бесполезно и глупо, в прыжках
закалённые,
кваком звать праотца и прамать.
Нас никто не услышит на суше за
клёнами,
не пытайтесь, меня не пронять.

Д К

Битый час у порога топчусь
по карманам гоняю мелочь.
Вот ведь глупости, я же смелый,
коль усилие по плечу.
Ну а дел-то: войти в квартиру
посмотреть, не забыл чего,
всех простить и проститься мирно,
целовать за челом чело.

Почему не могу достать
Из кармана тот самый ключик?
Поищу, досчитав до ста.
Жарко в куртке. И шарф колючий.
Раз-два-три и четыре-пять;
восемнадцать и двадцать; сорок;
как же много в подъезде сора,
как занятно его пинать!

Успокоюсь, побуду Буддой.
Ключ - в замок, и через порог.
а за дверью, за дверью будто
уж отчаливает паром.
Вытираю тихонько ноги,
Чтобы грязи и не натаскать.
До чего довела тоска,
Я ведь не был еще в дороге!

Открываю. За дверью милой
Лишь стена и кусок холста.
Что же, что же туда манило?
Лучше б дальше считал до ста.

АРТЁМ ОСОКИН



Рис. К «Битый час у порога топчусь...»
Худ. ДАНИИЛ ТЕСТОВ

ОДА СЕСТРЕ МЕДРОТЫ.

Всех благородней дело в свете!
Все благодарны: старики и дети.
Не мог я большего спросить с судьбы,
Чем под опекой быть у медсестры.

Заботой нежной окружает,
В болезни мерзкой ободряет
Диагноз подан был врачом,
Но лечит всё равно не он.

Его задача нелегка:
От смерти он спасет тебя,
А дальше по ветру гуляй,
От битвы тяжкой отдыхай...
А вот как раз наоборот!
Леченья все ей проводимы:
Укольник острый нанесет,
Таблеток гору достает,

Температуру проверяет,
Тебе здоровым быть желает.
Бывает очень уж строга,
Бывает всех милей она.

И вот я на ногах здоровый,
И черед дел ждет новый.
Спасибо, вас благодарю!
Люблю, но все же ухожу.

МИХАИЛ ЦЕРРИТ

ПРЯТЫЕ РЕДКОСТИ

ВОСПОМИНАНИЯ ИРИНЫ ОДОЕВЦЕВОЙ ИЗ КНИГИ «НА БЕРЕГАХ НЕВЬИ»:

Костюмированный бал в Доме искусств в январе 1921 года – «гвоздь петербургского зимнего сезона», как его насмешливо называют.

Мандельштам почему-то решил, что появится на нем немецким романтиком, и это решение принесло ему немало хлопот. Костюм раздобыть нелегко. Но Мандельштам с несвойственной ему энергией победил все трудности и принес откуда-то большой пакет, завернутый в простыню.

– Не понимаю, – говорит Гумилев, пожимая плечами, – чего это Златозуб суетится. Я просто надену мой фрак.

«Просто». Но для того, чтобы надеть «мой фрак», ему требуется длительная и сложная подготовка в виде утюжки, стирки и наведения предельного блеска на башмаки – лакированных туфель у него нет. Все это совсем не просто. А в облаченном в «мой фрак» Гумилеве и подавно ничего простого нет. Напротив. Он еще важнее, чем обыкновенно.

– Всегда вспоминаю пословицу «L'habit fait le moine», как погляжу на себя офраченного, Николай Степанович, – говорит Лозинский. – Только тебя habit не монахом делает, а монархом. Ты во фраке ни дать ни взять – коронованная особа, да и только.

Гумилев притворно сердито отмахивается от него:

– Без острология ты уж не можешь, Михаил Леонидович!..

Но я по глазам его вижу, что сходство с коронованной особой ему очень приятно.

Я надела одно из бальных платьев моей матери: золотисто-парчовое, длинное-предлинное, с глубоким вырезом, сама как умела ушив его. На голове вместо банта райская птица широко раскинула крылья. На руках лайковые перчатки до плеча, в руках веер из слоновой кости и бело-розовых страусовых перьев, с незапамятных лет спавший в шкатулке.

Я постоянно закрываю, открываю его и обмахиваюсь им. Я в восторге от него и еще дома, одеваясь, сочинила о нем строфу:

Мой белый веер

Так нежно веет,

Нежней жасминовых ветвей,

Мой белый веер, волшебный веер,

Который стал душой моей.

Нет, я не прочту ее Гумилеву. Мне, эпическому поэту, автору баллад, она совсем не идет. Она из цикла жеманно-женственных стихов, тех, что Гумилев называет: «Я не такая, я иная» – и «до кровотоотмщения» ненавидит.

В этом необычайном наряде я очень нравлюсь себе – что со мной бывает крайне редко – и уверена, что должна всем нравиться. Я останавливаюсь перед каждым зеркалом, любуюсь собой, и не могу на себя наглядеться.

Костюмированных на балу – кроме пасторальной пары Олечки Арбениной и Юрочки Юркуна, пастушки и пастушка, Ларисы Рейснер, Нины из «Маскарада» Лермонтова, и романтика Мандельштама – почти нет.

Поздоровавшись с Мандельштамом, я, даже не осведомившись у него, кого именно из немецких романтиков он собой представляет, спрашиваю:

– А где ваша жаба?

О жабе я узнала от Гумилева, когда мы с ним шли на бал. Не ехали на бал в карете или в автомобиле, а шли пешком по темным, снежным улицам.

– У Мандельштама завелась жаба!

И Гумилев рассказывает, что они с Георгием Ивановым встретились сегодня перед обедом в Доме искусств. Ефим, всеми уважаемый местный «товарищ служающий», отлично осведомленный о взаимоотношениях посетителей и обитателей Дома, доложил им, что «Михаил Леонидович вышли, господин Ходасевич в парикмахерской бреются, Осип Эмильевич на кухне жабу гладят».

– Жабу? – переспрашивает Жоржик.

– Так точно. Жабу. К балу готовятся.

– Я-то сразу смекнул, в чем дело. Жабу гладит – магнетические пассы ей делает.

Гумилев многозначительно смотрит на меня из-под оленьей шапки и продолжает, еле сдерживая смех:

– Чернокнижием, чертовщиной занимается. Жабу гладит – хочет Олечку приворожить. Только где ему жабу раздобыть удалось? Мы с Жоржиком решили молчать до бала о жабе.

Так жаба, по воле Гумилева и Георгия Иванова, материализовалась и стала реальной. А став реальной и зажив своей жабьей жизнью, не могла остаться невоспетой.

И вот мы с Гумилевым, хохоча и проваливаясь в снежные сугробы, уже сочинили начало «Песни о жабе и колдуне».

Слух о том, что у Мандельштама завелась жаба и он ее гладит, молниеносно разнесся по залам и гостиным. Жабой все заинтересовались.

Мандельштам в коротком коричневом сюртуке, оранжевом атласном жилете, густо напудренный, с подведенными глазами, давясь от смеха, объясняет, тыкая пальцем в свою батисто-кружевную грудь:

– Жабо, вот это самое жабо на кухне гладил. Жабо, а не жабу.

Ему никто не хочет верить.

– С сегодняшнего дня, – торжественно объявляет ему Гумилев, – тебе присваивается чин Гладящий жабу. И уже разрабатывается проект Ордена жабы. Шейного, на коричневой ленте. Поздравляю тебя! Жаба тебя прославит. О ней уже складывают песню. Слушай! И Гумилев с пафосом читает сочиненное нами по дороге сюда начало «Песни о жабе и колдуне»:

Маг и колдун Мандельштам

Жабу гладит на кухне.

Блох, тараканов и мух не

Мало водится там. —

Слопай их, жаба, распухни

И разорвись пополам!..

Все смеются, не исключая и самого «мага и колдуна». Но смех его не так безудержен и заразителен, как всегда. Неужели он обиделся? А приставанья и расспросы о жабе продолжают беспрерывно и назойливо.

– Брось, Осип! Не лукавь, признавайся, – убеждает его Георгий Иванов. – Я ведь давным-давно догадался, что ты занимаешься магией, чернокнижием и всякой чертовщиной – по твоим стихам догадался.

Я очень люблю танцевать, но ни Гумилев, ни Мандельштам, ни Георгий Иванов не танцуют – из поэтов танцует один Оцуп. Но танцоров на балу все-таки сколько угодно.

Между двумя тустепами я слышу все те же разговоры о жабе.

Мандельштам продолжает отшучиваться, но уже начинает нервничать и раздражаться.

– Я на твоём месте отдавал бы жабу напрокат, внаем, – говорит Гумилев. – Я сам с удовольствием возьму ее на недельку-другую для вдохновения – никак не могу своего «Дракона» кончить. Я хорошо заплачу. Не торгуясь заплачу и в придачу привезу тебе из Бежецка банку варенья. Идет? По рукам? Дашь жабу?..

Мандельштам морщится:

– Брось. Довольно. Надоело, Николай Степанович!

Но когда сам Лозинский – образец такта и корректности – осведомляется у него о драгоценном здоровье Жабы Осиповны и просит передать ей почтительный привет, Мандельштам не выдерживает:

– Сдохла жаба! Сдохла! – кричит он, побагровев. – Лопнула! И терпение мое лопнуло. Отстаньте от меня. Оставьте меня в покое! – И он, расталкивая танцующих, бежит через зал и дальше, через столовую и коридор, к себе, в свою комнату.

Лозинский разводит недоумевающе руками и, глядя ему вслед:

– Гарун бежал быстрее лани. Что же это с юным грузином стало? Обиделся?

Но мы смущены. Мы понимаем, что перетянули нитку, не почувствовали границы «jusqu'ou on peut aller trop loin» и безнаказанно перемахнули через нее.
Спешно снаряжается делегация. Она должна принести Мандельштаму самые пламенные, самые униженные извинения и во что бы то ни стало, непременно привести его.
После долгих стуков в запертую дверь, после долгих бесплодных просьб и уговоров Мандельштам наконец сдастся – с тем «чтобы о проклятой жабе ни полслова».
Его возвращение превращается в триумф. Его встречают овацией.
– Не вернись ты, Осип, – Гумилев обнимает его за плечи, – бал превратился бы в катастрофу.
– А теперь, – громко и радостно заявляю я, – так весело, так весело, как еще никогда в жизни не было!
– Неужели? – спрашивает меня Лозинский. – Сколько уж раз мне приходилось слышать от вас это самое: «Сегодня так весело, как

еще никогда в жизни» – и всегда с полной убежденностью и искренностью. Объясните, пожалуйста, как это возможно?
За меня отвечает Гумилев:
– Потому что это всегда правда, сущая правда. Как и кузминское:
И снова я влюблен впервые,
Навеки снова я влюблен, —
сущая правда. Это каждый из нас сам, по своему личному опыту знает.
И все опять смеются.
Так веселились поэты. Так по-детски, бесхитростно, простодушно. Смеялись до слез над тем, что со стороны, пожалуй, даже и смешным не казалось.
А «Песня о колдуне и жабе» осталась незаконченной. Ведь мы обещали Мандельштаму – «о проклятой жабе ни полслова». А жаль!

СТИХИ КЛАССИКОВ ПРО НОВЫЙ ГОД:

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.

Это муж мой, и я, и друзья мои,
Мы Новый встречаем год,
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжёт?

Хозяин, поднявши первый стакан,
Был важен и недвижим:
"Я пью за землю родных полей,
В которой мы все лежим",

А друг, поглядевши в лицо моё
И вспомнив Бог весть о чём,
Воскликнул: "А я за песни её,
В которых мы все живём".

Но третий, не знавший ничего,
Когда он покинул свет,
Мыслям моим в ответ
Промолвил: "Мы выпить должны за того,
Кого ещё с нами нет".

АННА АХМАТОВА

НОВЫЙ ГОД

Как рыбарь в море запоздалый
Среди бушующих зыбей,
Как путник, в час ночной, усталый
В беспутной широте степей, –
Так я в наземной сей пустыне
Свершаю мой неверный ход.
Ах, лучше ль будет мне, чем ныне?
Что ты сулишь мне, новый год?
Но ты стоишь так молчаливо,
Как тень в кладбищной тишине,
И на вопрос нетерпеливый
Ни слова, ни улыбки мне...

ФЁДОР ГЛИНКА

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Я не буду спать
Ночью новогодней,
Новую тетрадь
Я начну сегодня.

Ради смысла дат
И преображенья
С головы до пят
В плоть стихотворенья –

Год переберу,
Месяцы по строчке
Передам перу
До последней точки.

Где оно – во мне
Или за дверями,
В яве или сне
За семью морями,

В пляске по снегам
Белой круговерти, –
Я не знаю сам,
В чём мое бессмертье,

Но из декабря
Брошусь к вам, живущим
Вне календаря,
Наравне с грядущим.

О, когда бы рук
Мне достало на год
Кончить новый круг!
Строчки сами лягут...

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС

Евгению Рейну, с любовью

Плывёт в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу жёлтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывёт в тоске необъяснимой
пчелиный ход сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывёт в тоске необъяснимой.

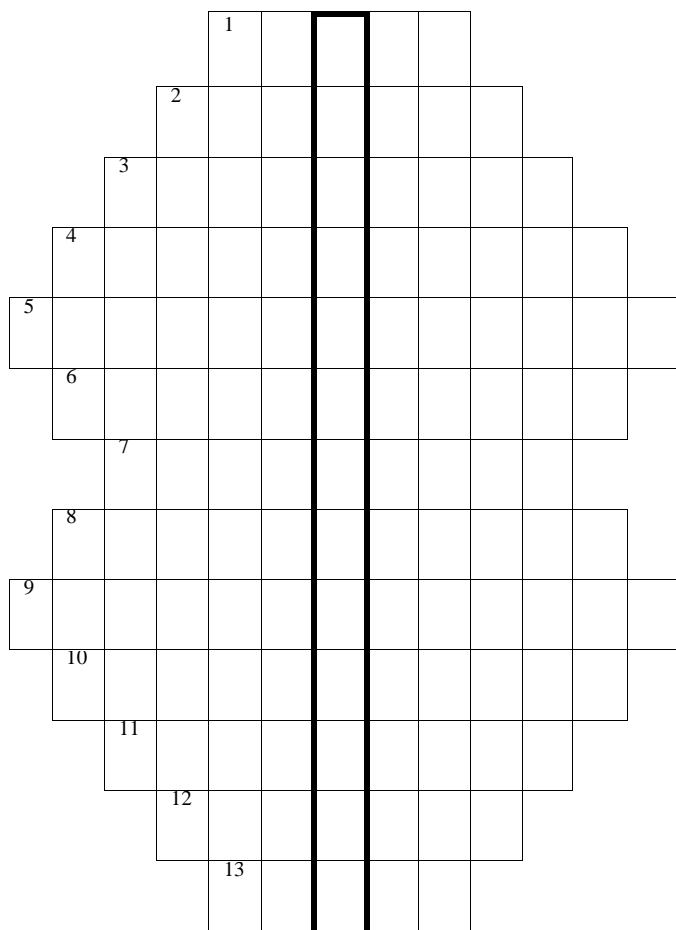
Плывёт во мгле замоскворецкой,
плывёт в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на жёлтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывёт красотка записная,
своей тоски не объясняя.

Плывёт в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льётся мёд огней вечерних
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несёт сочельник
над головою.

Твой Новый год по тёмно-синей
волне среди моря городского
плывёт в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнётся снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнётся вправо,
качнувшись влево.

28 декабря 1961
ИОСИФ БРОДСКИЙ

ДИТКРОССВОРД



1. Советский детский писатель и сценарист, автор книг о Незнайке.
2. Английский математик и писатель, подаривший миру историю про путешествие девочки Алисы.
3. Муж Клитемнестры.
4. Популярный в XIX оптический прибор, о котором русский баснописец А. Измайлов писал:

«Смотрю – и что же в моих глазах?
В фигурах разных и звездах
Сапфиры, яхонты, топазы,
И изумруды и алмазы,
И аметисты и жемчуг,
И перламутр – всё вижу вдруг!
Лишь сделано рукой движенье –
И новое в глазах явление!»

5. Село в Рязанской губернии, родина С. Есенина.
6. Цветы, за которыми отправилась в лес героиня сказки С. Маршака «12 месяцев».
7. Парусное судно, распространенное в Европе во 2-й пол. XV- нач. XVI вв., на котором совершали свои открытия Христофор Колумб, Васко да Гама, Фернан Магеллан.
8. Последний роман Л.Н. Толстого.
9. Построение художественного произведения, часто употребляется как синоним к слову «композиция».
10. Русский художник-маринист, автор картины «Прощание Пушкина с морем» (1877г).
11. Русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии.
12. Американский писатель и драматург, автор пьес «Трамвай Желание» и «Орфей спускается в ад».
13. Немецкий драматург, автор теории «Эпического театра».

ЧЕРТЫ УТОПИЯ

За старцем Утопия началась погоня. После расшифровки письмен он вновь использует их, чтобы не дать мародерам уничтожить культурное наследие. Сможет ли кто-нибудь расшифровать его слова?

Подарок Утопия: 

ПОСОБИЕ ПО СЯЗНИДЯТУ

1. Данная публикация выходит малым тиражом → прочитал сам – дай другому.
2. То же самое касается рекламы → поддержи проект – разрекламируй его, расскажи о нём друзьям.
3. Данная газета создаётся руками волонтеров и альтруистов, поэтому мы всегда рады уникальным идеям, искусным произведениям и хорошо написанным статьям. Присылайте статьи на e-mail: sicber@mail.ru. Будет грамотно написано – опубликуем. Издательство оставляет за собой право редактировать текст.
4. На опубликованные материалы может прийти неположительная критика.

Газета печатается раз в 2-4 недели тиражом 50 экземпляров.